

"Это не становится лучше, Карл-Хайнц," - мрачно сказал Адам Шимл.

Он и Карл-Хайнц Сабатино сидели в пентхаусе башни Златобиль, снова глядя на горизонт Велеграда и каньоны его улиц. На этот раз не было грозы, но шел холодный, унылый, серый дождь, достаточный, чтобы охладить душу даже в теплой роскоши пентхауса.

И очень точно отражавший настроение планетарной столицы.

"По крайней мере никого не убивают на улицах," - сказал Сабатино также уныло, и Шимл кивнул.

Он все еще презирал все, что делал Сабатино, и его жестокое, расчетливое манипулирование Шотеборской экономикой ужасало его. Он не собирался делать ошибку, думая, что Сабатино позволит чему-либо помешать планам его солярианских хозяев. Но гнев в глазах Сабатино казался подлинным. Возможно, подумал Шимл, потому, что в его обычных расчетах он не думал о шотеборцах как о людях. Он думал о них как о игровых фишках, рыночных силах и политических жетонах, которыми можно было бы маневрировать в пользу Фрогмор-Веллингтон и Ивахара Интерстеллар. Беспорядки - и жертвы - напоминали ему о плоти и крови людей, стоявших за этими фишками и жетонами.

Или, может быть, он просто злится, потому что может видеть, что в конечном итоге это будет плохо для бизнеса, напомнил себе шотеборец.

В любом случае его неудовольствие администрацией Кабрноха было очевидным.

"Нет, никто не умирает на улицах ... прямо сейчас," - позволил Шимл проявиться своей собственной горечи. "Хотя скоро будет достаточно. Даниэлю удалось закрыть крышку, но под ней большое давление, и держать ее закрытой - это совсем другое дело."

"Я знаю." Сабатино покачал головой. "Люди Гуннара говорят мне то же, что и вы. Если уж на то пошло, это то, что эта боль в заднице Головач говорит Луису Вернеру. Фактически он настаивает на том, что есть какое-то организованное сопротивление Кабрноху, кипящее под поверхностью."

"Правда?" Шимл нахмурился, но не по тем причинам, по которым, возможно, ожидал Сабатино.

Он всегда подозревал, что майор Холовач был намного умнее - или, по крайней мере, более эффективным, - чем Гуннар Кастельбранко. Было маловероятно, что у Холовача было так много источников и платных информантов, как у начальника корпоративной службы безопасности, но все указывало на то, что майор Жандармерии и его старший аналитик капитан Прайс были менее склонны соглашаться с тезисом, потому что это совпадало с тем, что их начальники хотели услышать.

"Сказал ли системный администратор Вернер, какое "сопротивление" беспокоит майора Головача?"

"Нет, не конкретно." Сабатино раздраженно пожал плечами. "Кроме того, если бы там было организованное движение, оно использовало бы футбольные бунты!"

"Да, я полагаю, это могло быть," - согласился Шимл. "Конечно предполагая, что они были

готовы действовать, когда разразились беспорядки."

"Ну, если они не были готовы действовать тогда, они никогда не будут готовы!" - сказал Сабатино небрежно. "Что не меняет точности вашего наблюдения." Он покачал головой. "Я некоторое время беспокоился о суждении Кабрноха, но даже в этом случае я никогда не ожидал, что он прикажет ШСОБ выйти на улицы таким образом. О чем он, черт побери, думал?"

"Наверное, о том же, о чем он думал пятнадцать месяцев назад на площади Желтых Роз," - ответил Шимл едко. "Я знаю, что у меня есть много личных причин ненавидеть этого человека, Карл-Хайнц, но оставив личную враждебность в стороне, мне начинает казаться, что единственный ответ, который он знает, это ударить молотом по всему, что может угрожать базе его могущества. И в конечном итоге это только ухудшит ситуацию. Если вы сжимаете пружину слишком сильно, когда давление уменьшится, не будет известно, как далеко она отскочит!"

Сабатино мрачно кивнул, глядя вниз в бокал. Затем он поднял голову и расправил плечи.

"На самом деле, Адам," - сказал он, "когда он приказал прижать этих демонстрантов, я думал, что это правильный ход. Учитывая то, что случилось в Талботте, кажется, что сейчас плохое время для активного поощрения политических волнений. Бог знает, чем это могло закончиться! Но с тех пор - и особенно, если честно, с тех пор, как я познакомился с тобой, я понял, что ты прав. Мне может не нравиться Головач, но он был прав, когда сказал, что политическая система здесь, на Шотеборе потеряла свою "эластичность". Я спросил его, что, черт возьми, это значит, и он сказал, что, когда правительство не в состоянии разрешить публичное выражение недовольства, это означает две вещи.

Во-первых, это означает, что правительство потеряло способность эффективно реагировать на причины этого недовольства. Реакция не обязательно должна состоять из уступок, но сами причины должны быть рассмотрены и давление нужно как-то облегчить, а когда правительство не может этого сделать, это проблема. И, во-вторых, - и я думаю, что это может быть то, что вы получаете в случае Кабрноха - это означает, что правительство, о котором идет речь, работает в том, что он называет менталитетом "крепости". Оно гнет свою линию, и все, что угрожает его положению, должно быть уничтожено. И это, как он указывал, только создает мучеников."

Шимл кивнул, честно впечатленный как масштабом анализа Холовача, так и готовностью Сабатино признать, что это может быть справедливо.

"Так что нам с этим делать?" - спросил он тихо.

Сабатино долго смотрел в окна, затем встал. Он подошел к окнам и повернулся спиной к ним и лицом к Шимлу.

"Кабрнох должен уйти," - сказал он решительно. "Вернер не начнет вызывать жандармов - или поддержку флота - чтобы насильственно подавить любое общее восстание. И, честно говоря, с учетом развития галактической ситуации, это было бы ужасной катастрофой, даже если бы он мог. Вероятный ущерб инфраструктуре системы станет значительным экономическим ударом для Фрогмор-Веллингтон и Ивахара, что не сделает главный офис счастливым. С моей точки зрения, число людей, которые, вероятно, будут убиты, будет еще больше. И с манти всего в шестьдесят четырех световых годах от нас, вероятность того, что такие общественные беспорядки будут подавлены без того, что кто-нибудь пригласит их, как в Талботте, будет довольно низкой."

Шимл снова кивнул, надеясь не показать, своего удивления. Это была самая ясная - и самая точная - оценка ситуации в Куманге, которую он когда-либо слышал от Сабатино.

"Я знаю, что вы с самого начала поняли, что я не вкладываю деньги в Сокол только потому, что мне нравятся футбол и плавательные бассейны," - сказал системный генеральный директор. "Я также знаю, что вы неплохо выиграли финансово на наших . . . отношениях. И я сильно подозреваю, что вы с самого начала поняли, что я видел в вас ... политического противовеса, скажем так, Кабрноху. В течение нескольких лет стало очевидным, что общественная поддержка его администрации исчезает. Итак, да, я вкладывал в Сокол - и в вас - чтобы этот противовес был готов, если мне это понадобится. И я не буду притворяться, что делал это, потому что я большой гуманист и филантроп. Я делал это, потому что это имело холодный, жесткий смысл с прагматичной деловой точки зрения."

"Сказав это и учитывая, что произошло на улицах в прошлом месяце, я думаю, что вы можете представить лучший шанс, который есть у Шотебора."

Повисло молчание. Оно продолжалось почти минуту, затем Шимл поднялся со своего кресла и подошел к окнам, глядя на город рядом с Сабатино.

"Позвольте мне прояснить это, Карл-Хайнц," - тихо сказал он. "Вы серьезно предлагаете удалить Яна из офиса и посадить меня на его место?"

"Да," - просто сказал Сабатино.

"И как вы рассчитываете сделать это? Даже если выборы означают что-то, ему не нужно проводить их еще два Т-года. И если у системного администратора Вернера нет ... силы для подавления народного восстания, где он получит силу для принудительного разоружения Сил Общественной Безопасности?"

"До этого не дойдет." Тон Сабатино был ровным, уверенным. "Я могу сделать Кабрноху то, что называется "предложение, от которого он не сможет отказаться". И я могу сделать то же самое для вице-президента Юранека." Он пожал плечами. "Во-первых, у меня много денег, Адам. Вероятно, я могу купить Юранека за менее чем годовую плату Кабрноху. Кабрнох может быть немного дороже - или хочет быть, во всяком случае - но я ожидаю, что он передумает, когда я объясню ему альтернативы. Альтернатива Один - он принимает мое предложение, элегантно уходит в отставку, получает роскошную виллу на побережье океана Крэгмор в системе Бойль и пожизненный доход около пятидесяти процентов того, что он получает сейчас."

Альтернатива Два - он отвергает мое предложение, после чего я прекращаю всякую финансовую поддержку, начинаю поддерживать общественные требования о возврате выборов и публикую свидетельства о нескольких Т-десятилетиях политической коррупции, злоупотреблений, нарушений прав человека и других незаконных действиях в новостных каналах по отношению к вам, как спикеру движения за референдум по отзыву, прошу системного администратора Вернера просить Управление пограничной безопасности наблюдать за голосованием на референдуме, с тем чтобы он был честным, открытым и представлял фактические желания людей Шотебора."

Он тонко улыбнулся.

"Как вы думаете, что он выберет?"

* * *

"Как ты думаешь, он серьезно?" Спросил Зденек Вилюшинский.

"Я думаю, да," - ответил Шимл. "Он хочет моего ответа в течение двадцати шести часов."

"Ух ты!" - почти молитвенно произнес Вилюшинский.

"Не увлекайся," - сказал Шимл более резко. Вилюшинский посмотрел на него, и он пожал плечами. "Признаю, мне действительно нравится Сабатино - немного, по крайней мере - и то, о чем он говорит, вероятно, представляет собой лучший способ спроектировать какую-то мягкую посадку для нашей ситуации." Он кивнул на окно и ночные улицы города за ним. "Но он по-прежнему местный представитель Фрогмор-Веллингтона и Ивахары, и у него нет абсолютно никакого намерения убрать свою - их - руку с экономического горла звездной системы. Я думаю, что он действительно недоволен количеством людей, которые были убиты и ранены в прошлом месяце. На самом деле, я не думаю, что он когда-либо отдаленно представлял себе что-то настолько плохое, как то, что случилось. В конце концов, потери от беспорядков были в тридцать или сорок раз больше, чем у демонстрантов на Площади Желтых Роз. Я думаю, что это потрясло его - может быть, даже сильно - но в конечном итоге он лоялен к людям, которые ему платят."

"Ты хочешь сказать, что он ожидает, что ты просто заменишь Кабрноха и будешь новым лицом, делающим то же самое?"

"Нет. Я думаю, он ожидает, что я приду и сделаю хотя бы некоторые настоящие реформы. Но он не хочет ничего больше, чем фасадной демократии, Зденек. Я думаю, что я даже смогу заставить его немного открыть краны, в интересах экономического здоровья системы, но это самое большее, что случится."

"Я должен сказать, даже это будет большим улучшением по сравнению с тем, где мы сейчас," - сказал Вилюшинский. "И если это позволит тебе вставить ногу в дверь, дать тебе базу для работы, тогда -"

"Нет," - снова сказал Шимл, более решительно и покачал головой. "Постепенность может работать, но исторически неудачи чаще, чем успехи в такой ситуации. Есть в существующей системе огромная инертность. Я не могу прийти и вырвать всю существующую структуру власти с корнями. Даже если бы Сабатино был готов позволить мне сделать это, люди, работающие в нынешнем истеблишменте, не дадут. Если он позволит нам "ногу в двери", мы должны вставить в нее плечо и открыть эту дверь настежь. Не когда-то в будущем - немедленно."

"Как?"

"Благодаря приобретениям Михала Пастеры и . . . творческими декларациям Мартина Холечека у нас есть достаточно современного стрелкового оружия здесь, на планете, чтобы вооружить две трети нашей Искры. После того, что произошло в прошлом месяце, я не думаю, что у нас были бы большие проблемы с мотивацией наших людей, если бы мы увидели возможность."

"Какого типа "возможность" ты имеешь в виду?" - осторожно спросил Вилюшинский.

"Кабрнох уходит в отставку, Юранек делает то же самое, будут досрочные выборы, чтобы заменить их, и я побеждаю, благодаря поддержке Сокола и Сабатино." Шимл остановился, и Вилюшинский кивнул, внимательно глядя в его лицо. "Я занимаю офис и провожу неделю или"

около того, может быть, месяц, устраиваясь. Затем я приглашаю Даниэля Капичку и, возможно, Сабатино на встречу - не в Президентский дворец, а тихую встречу в моем доме. Они приходят на встречу, пара сотен наших вооруженных искровцев берут их под стражу, - надеюсь, не убивая никого, - и я выхожу в эфир, объявляю отставку Даниэля и приказываю распустить ШСОБ. В этот момент несколько сотен искровцев сразу же приезжают и захватывают арсеналы ШСОБ и главные казармы в Велеграде."

"Ты действительно думаешь, что люди Капички будут сидеть сложа руки?"

"Я думаю, есть шанс что они это сделают," - сказал Шимл. "Я не знаю, насколько хороший шанс, но определенно шанс есть. И если беспорядки в Велеграде показали что-либо в прошлом месяце, то это то, что действительно есть люди - их гораздо больше, чем я думал, честно говоря, которые готовы выходить на улицы даже без какого-либо организованного руководства. Если мы предложим им это руководство, если мы скажем им, что они защищают новое правительство реформ, и если наша Искра - и, если на то пошло, люди, которых мы уже имеем внутри ШСОБ, - будут там, чтобы обеспечить лидерство и вооруженные кадры, я думаю, они откликнутся. Возможно, это не будет бескровным переворотом, который ты и я предпочли бы, но я думаю, что мы могли бы, возможно, свести кровопролитие до минимума, и я верю, искренне верю, Зденек, - что это сработает."

"А есть ли у тебя страница в этом плане для Вернера, Пограничной Безопасности и Пограничного Флота? Ты знаешь, что Фрогмор-Веллингтон и Ивахара будут кричать о том, что Сабатино незаконно задержан и что твой "захват личной власти" является вопиющим образом незаконным в соответствии с нашей собственной Конституцией!"

"Да, есть," - признал Шимл. "У меня есть страница для этого в моем плане." Он холодно улыбнулся. "Как заметил мне сегодня Карл-Хайнц, Монтана и Звездная Империя Мантикоры - всего лишь в шестьдесят с лишним световых годах."

* * *

"Простите, губернатор," - сказала Джулия Магилен, "- но есть кто-то, кого я думаю, вам лучше видеть."

Оравиль Баррегос поднял глаза от бесконечного потока документов с поднятыми бровями. Магилен была с ним почти тридцать Т-лет, она была его личным секретарем и офисным менеджером, но определенно не клерком в приемной. Он не мог вспомнить последний раз, когда она говорила ему, что кто-то хочет его увидеть, особенно кого-то не в назначенное время, но что-то в ее тоне ...

"Пожалуйста, Джулия," - сказал он, ставя закладку и закрывая файл, который он просматривал. "Кто это?"

"Я думаю позволить ей представиться, если вам это подходит, сэр."

"Конечно," - ответил он, слегка озадаченный, и взглянул на высокого рыжеволосого мужчину, сидящего в углу его кабинета, когда она вышла в дверь, чтобы привести его посетителя. Вегар Спанген возглавлял его личную команду безопасности почти столько же, сколько Магилен управляла его офисом. Теперь он встал и небрежно двинулся в сторону, расстегнув свой китель и встав там, где губернатор не был бы на линии огня, если бы это стало необходимым.

Чего не будет, конечно, сказал себе Баррегос. С другой стороны, небольшая конструктивная паранойя никому не повредит.

Магилен вернулась, и Оравиль Баррегос нахмурился, когда высокая женщина последовала за ней в офис. Это заняло некоторое время, так как она была в дорогой, хорошо сшитой гражданской одежде, но он хорошо делал свою домашнюю работу и почувствовал, как его брови пытаются исчезнуть в его волосах, когда он узнал ее. Если бы она была в форме, эта форма была бы черной с золотом формой Звездной Империи Мантикоры, а не белой ФСЛ. На плече был бы знак Разведовательного Управления Флота и три широких золотых полосы вице-адмирала на рукаве.

"Адмирал Гивенс." Каждый год его политического опыта потребовался, чтобы скрыть удивление в голосе. "Это ... неожиданная честь."

"Я определенно надеюсь, что "неожиданная", губернатор Баррегос," - сухо сказала Второй Космический Лорд Королевского Мантикорского Флота. "Если это не так, я боюсь, я доставлю вам много проблем со Старым Чикаго."

"На самом деле," - ответил он с улыбкой, "- я думаю, что мы уже далеко зашли, чтобы доставить мне проблемы с Мандаринами. Конечно, надеюсь, они не узнают об этом еще несколько месяцев."

"О." Гивенс подняла голову. "Вы так продвинулись?"

"Извините?"

На этот раз он не мог удержать удивление в своем тоне, и она нахмурилась. По какой-то причине ее выражение пронзило его холодом, и он махнул рукой на тот же стол, где он встречался с Эллингсеном и Абернати.

"Почему бы вам не присесть, адмирал," - пригласил он, "- и рассказать мне, почему императрица Елизавета направила своего старшего офицера разведывательной службы на Майю?"

* * *

"Что она сказала?!"

Луис Розак смотрел на изображение Оравиль Баррегоса в комме, а губернатор пытался вспомнить, видел ли он когда-либо Розака с выражением такого чистого, потрясенного неверия. Он думал, что нет. Фактически он сомневался, что кто-нибудь видел. Хотя в этом случае, видит Бог, адмирала можно извинить.

"Она сказала, что прибыла лично на Курящую Лягушку вместо того, чтобы просто послать сообщение - или посланника, - потому что Елизавета и президент Притчарт чувствовали, как важно произвести на нас впечатление серьезности, с которой они рассматривают операцию, проводимую Согласием под ложным флагом. В которой они притворяются мантикорскими агентами-провокаторами и делают всевозможные обещания об оружии и поддержке флота, чтобы спровоцировать восстания, которые отвлекут ресурсы солариан от Большого альянса." Он тонко улыбнулся. "Это напоминает тебе о неких переговорах, которые ты и я могли вести недавно? Кажется, три дня назад?"

"Сукин сын," - сказал Розак. Затем он встряхнулся, и его глаза стали злыми. "Я говорил Эди, что Абернати был шпионом, а не стрелком. Но, Боже, Оравиль! Какую наглость надо иметь чтобы так вальсировать по вашему офису и морочить нам головы. Будь они прокляты!" Его коричневые глаза стали еще злее. «Мне не нравится, когда меня дурачат, но им это удалось,

не так ли?"

«Я вспоминаю, был на Старой Земле политик, который сказал что-то вроде того, что можно обманывать некоторых людей некоторое время, но нельзя обманывать всех людей все время," - ответил Баррегос. "И я должен сказать, что реакция адмирала Гивенс, когда я рассказал ей о наших недавних посетителях и показал изображения с камер безопасности была... энергичной. Она не была удивлена."

"Что ж, они чертовски рисковали, но они подготовились, не так ли?" Розак откинулся на спинку стула. "Эта голография с "Лангтри" была хорошим ходом. Если бы Гивенс не появилась здесь лично, я, возможно, подумал бы, каких манти мы должны слушать!"

"Я знаю. Меня интересует сходство "мистера Эллингсена" с династией Винтон. Как ты думаешь, биоскульптура?"

"Почти наверняка," - согласился Розак. "Ублюдки все обдумали, не так ли?"

"Почти. Хотя, если бы я не упомянул "Эллингсену" о ракетах, которые нам обещала Дельвеккио, во время его первого визита, ты, возможно, мог поймать Абернати, когда вы начали говорить о величинах сил. Я нахожу это более чем слегка раздражающим."

"Вероятно, вы правы, но ублюдок был очень изворотлив. В любом случае, он мог наплести чего-нибудь. И в этот момент нет смысла пинать себя за это. Если уж на то пошло, я бы сделал то же самое на вашем месте. Почему нет? Вы разговаривали с одним манти о другом манти, и оба они, предположительно, были на нашей стороне. Розак пожал плечами. "Важно то, что теперь мы знаем. Я думаю..."

Его голос затих, и Баррегос наклонил голову.

"Думаешь о чем?"

"О," - блаженно улыбнулся Розак, "Я просто надеюсь, что капитан Абернати планирует снова посетить нас. Мне бы очень хотелось обсудить с ним наш совместный оперативный план."

"Я бы заплатил, чтобы увидеть этот разговор," - сказал Баррегос с чувством. "А пока вы, Ричард Уайз, командер Ватанапонгсе и я должны сесть и пройти по этим слухам о "беспорядках", которые мы слышали из таких мест, как Кондратий. Если в них что-то есть - если эти ублюдки из "Согласия" действительно пытаются запустить волну восстаний в нашем районе, - я думаю, нам следует четко указать, что мы смотрим ... неодобрительно на такого рода махинации."

"Насколько "неодобрительный" взгляд вы имели в виду?" - спросил Розак.

"Интересно, что ты спросил об этом."

Просто я обсуждал этот самый вопрос с адмиралом Гивенс, и она собирается присоединиться к нам обоим за обедом. Я думаю, ты должен приготовить что-то особенное, потому что после этого мы втроем подумаем, как мы можем сделать наказание подходящим для преступления."